

Пять дней прошло с битвы в городе Байшань. За эти дни дом Чжэн и императорская семья обе отправили своих людей для расследования этого инцидента. Юньфэй после возвращения был доставлен в поместье Чжэн, чтобы было кому о нём позаботиться и проследить за исцелением.

Благодаря Симбиозу все требующие немедленного исцеления раны чудесным образом исчезли, однако до полного выздоровления юноше было ещё далеко. Оставшихся ран было ещё очень много, и самыми неприятными из них были те, что были нанесены внутренним органам в результате бесконтрольного использования режима Берсерка. Самоубийственная манера, в которой он сражался с Королём Духа, лишь усугубила эти повреждения, едва сведя его в могилу.

Сам Юньфэй тогда держался так, словно этих ран и не существовало вовсе, но реальность так просто не обмануть. К концу сражения накапливающиеся повреждения поставили его на грань жизни и смерти. Если бы не своевременная поддержка Сяо Ци, юноше при самом удачном раскладе потребовалось бы от трёх до пяти дней только на то, чтобы стабилизировать своё состояние.

Поместье Чжэн в эти дни бурлило, словно потревоженный улей; люди приходили и уходили непрерывным потоком. Ученики Бай Юньфэя большую часть этого времени провели вместе с Фан Тяньмэн, которая, обуреваемая чувством вины, наотрез отказывалась покидать его покои. Лишь проведя у постели наставника два дня и две ночи, она уступила настойчивым увещаниям одноклассников и вернулась к себе домой.

Даже ректор Академии Тяньхунь прибыл навестить Бай Юньфэя. Первый и Второй Принцы наносили визит дважды, чтобы справиться о состоянии юноши и предоставить в распоряжение Чжэн несколько ценных лекарственных растений.

Новости об этом инциденте и ранах Бай Юньфэя достигли многих влиятельных семей Столицы, в том числе и трёх других главных домов. Все они посчитали нужным отправить представителей с “гостинцами”, каким бы нелепым не казалось это слово в отношении количества и качества этих даров. Если бы Юньфэй провалялся в постели дней сто, то одних лишь этих подарков ему хватило бы, чтобы припеваючи прожить несколько жизней.

Слухи о похождениях Бай Юньфэя в Байшане стремительно распространялись по Столице. Из них следовало, что главные и самые могущественные члены дома Цао в результате этого происшествия исчезли без следа. Никто не знал точно, были ли они убиты Юньфэем или просто сбежали ещё до сражения, однако... Какова бы ни была истина, одно можно было сказать наверняка.

Дома Цао больше не существовало.

Ключевые фигуры клана исчезли, и даже их штаб-квартира была разрушена до основания. От поместья Цао не осталось даже воспоминания...

Поговаривали, что доброй дюжине Пророков Духа элемента земли из Школы Тяньхунь

пришлось трудиться несколько дней, чтобы заполнить чудовищный кратер, оставшийся на месте сражения...

Более осведомлённые лица были в курсе, что Бай Юньфэй был непосредственно вовлечён во всю эту историю. Именно благодаря им жителям Столицы стало известно, что “Цао разгневали” юного ремесленника и, в результате, были полностью стёрты им с лица земли”. Имя Бай Юньфэя стало куда более узнаваемым, чем раньше. Прежде он был известен, как инструктор академии, возглавивший кафедру ремесленного искусства, а также как талантливый ремесленник, способный создать духовный предмет небесного класса. Не больше и не меньше. Но после этой истории он стал видной фигурой в столичной среде духовных практиков, которую сложно просто так игнорировать.

Разумеется, далеко не у всех это происшествие вызвало положительные эмоции. В конце концов, дом Цао был лишь провинциальным кланом, до которого в Столице мало кому было дело. Недоброжелатели также замечали, что Юньфэй слегка хватил через край, вымещая свой гнев, и что он явно не знает своего места.

Слухи ходили разные, но мало кто знал, что в настоящее время Бай Юньфэй прикован к постели и находится в чрезвычайно уязвимом и слабом состоянии.

Температура в его покоях была настолько высокой, что мало кто продержался бы там хоть сколь-нибудь продолжительное время. От тела Бай Юньфэя, лежащего на кровати, исходила заметная дымка пара. Если бы не редкие, но размеренные вздымания его груди и слабые отголоски духовной силы, то можно было бы подумать, что он уже зажарился заживо.

Юньфэй пришёл в сознание в полдень на шестой день своего пребывания в поместье Чжэн.

Едва приоткрыв глаза, он пришёл в замешательство – по случайному совпадению, прямо на него в этот момент смотрел один из его учеников. Остальные подопечные также были тут, и покои внезапно потонули в радостных возгласах и восклицаниях.

Бай Юньфэй в поднявшемся хаосе судорожно пытался сообразить, что вообще происходит. Только когда волнения более или менее улеглись, а он нашёл в себе силы ворочать языком, Юньфэй немного поговорил с учениками, после чего они оставили его отдыхать. Несмотря на радостную новость, они понимали, что больше всего ему сейчас нужен покой. Самого факта, что он очнулся, было для них достаточно, чтобы вздохнуть с облегчением.

Когда все ушли, оставив его в одиночестве, Юньфэй первым делом решил проверить своё состояние. Насколько он мог ощущать, духовная сила была более чем в порядке, а вот тело казалось немного заторможенным и слабым. После нескольких попыток юноша, наконец, сумел принять сидячее положение, опёршись на спинку кровати, и огляделся.

В углу комнаты обнаружился замерший в спящей позе Мастифф Вечного Льда – видимо, лечился или занимался духовным развитием. Синеглазый Ящер с любопытством смотрел на него, выглядывая из-за противоположного края кровати, словно спрашивая, всё ли с ним в

порядке.

Юньфэй кивнул ему, мол, всё хорошо. После чего заметил порхнувший к нему радужный блик.

«Юньфэй, ты в порядке?»

Сгусток света замер перед его лицом, превратившись в знакомую фигурку Радужного Стрижа. Сяо Ци парил в воздухе, мягко хлопая крыльями, а в его взгляде ощущалась неподдельная забота.

«Ха-ха, со мной всё хорошо, просто небольшая слабость, — засмеялся юноша. – Как будто бы ничего серьёзного, уже через...»

На середине фразы он вдруг осёкся, уставившись на Сяо Ци широко открытыми глазами. Рот Юньфэя распахнулся, словно он увидел привидение. Он попытался вскочить, но из-за слабости лишь едва дёрнул ногами... звучно ударившись затылком о спинку кровати. Юноша рухнул обратно, зашипев от боли.

«Э? Юньфэй, ты чего?»

Озадаченный голос раздался в тот момент, когда он потирал ушибленное место. Юньфэй снова глянул в ту сторону, откуда шёл звук, и тут же забыл про шишку на голове. Он выдавил, запинаясь: «С-сяо Ци, ты... ты можешь говорить?!»

Всё верно! Голос исходил именно от парящего перед ним стрижа!

И это была не мысль, переданная через ментальный контакт, как раньше, а настоящие слова, произнесённые вслух!

Из-за постоянной связи между ними Юньфэй редко использовал слова при общении с Сяо Ци. А затем появился ментальный контакт Браслета Очарования, позволяющий обмениваться мыслями, так что устное общение и вовсе ушло в прошлое. Юньфэй даже к Сяо Ланю частенько обращался именно с помощью этого артефакта.

Но прямо сейчас “ментальный контакт” не был установлен! Сяо Ци говорил с ним на обычном человеческом языке!